

Лесков Николай Семенович

Три праведника и один Шерамур
Рассказы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Семенович Л.**
Три праведника и один Шерамур: Рассказы / Лесков Николай Семенович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 242 с.

ISBN 978-5-519-93312-4

ISBN 978-5-519-93312-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

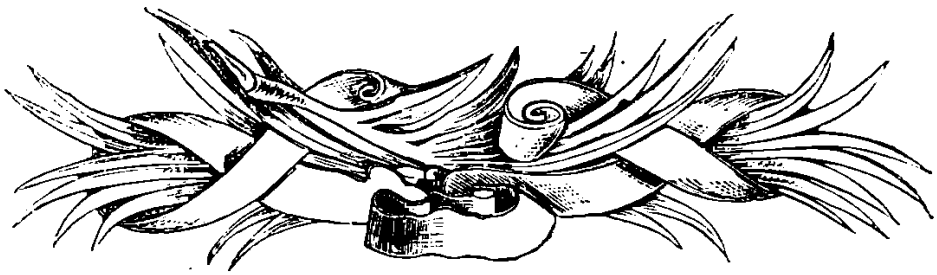
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Отъ автора къ читателю	7
Одводумъ	13
Пигмей	61
Кадетскій монастырь	83
Русскій демократъ въ Польшѣ	133
Шерамуръ	161

„Безъ трехъ праведныхъ
нѣсть граду стоянія“.

РИ МНѢ въ сорокъ восьмой разъ умиралъ одинъ большой русскій писатель. Онъ и теперь живетъ, какъ жилъ послѣ сорока семи своихъ прежнихъ копчинъ, наблюдавшихся другими людьми и при другой обстановкѣ.

При мнѣ онъ лежалъ одинокъ, во всю ширь необъятнаго дивана и приготовлялся диктовать мнѣ свое завѣщаніе, но вмѣсто того началъ браниться.

Я могу безъ застѣнчивости разсказать, какъ это было и къ какимъ повело послѣдствіямъ.

Смерть писателю угрожала по винѣ театально-литературнаго комитета, который въ эту пору безтрепетною рукою убивалъ его пьесу. Ни въ одной аптекѣ не могло быть никакого лекарства противъ мучительныхъ болей, причиненныхъ этимъ авторскому здоровью.

— Душа уязвлена и всѣ кишки попутались въ утробѣ, говорилъ страдалецъ, глядя на потолокъ гостиничнаго номера, и потомъ, переведи ихъ на меня, онъ неожиданно прикрикнулъ:

— Что же ты молчишь, будто чортъ знаетъ чѣмъ ротъ набилъ! Гадость какая у васъ, питерцевъ, на сердцахъ: никогда вы человѣку утѣшенія не скажете; хоть сейчасъ на вашихъ глазахъ испущай духъ.

Я былъ первый разъ при кончинѣ этого замѣчательнаго человѣка и, не понявъ его предсмертной истомы, сказалъ ему:

— Чѣмъ мнѣ васъ утѣшить? Скажу развѣ одно, что всѣмъ будетъ чрезвычайно прискорбно, если театрално-литературный комитетъ своимъ суровымъ опредѣленіемъ прекратитъ драгоцѣнную жизнь вашу, но...

— Ты не дурно началъ, перебилъ писатель: продолжай, пожалуйста, говорить, а я можетъ быть усну.

— Извольте, отвѣчалъ я;—и такъ, увѣрены ли вы, что вы теперь умираете?

— Увѣренъ ли? Говорю тебѣ, что помираю!

— Прекрасно, отвѣчаю; но обдумали ли вы хорошенько: стоитъ ли это огорченіе того, чтобы вы кончились?

— Разумѣется стоитъ; это стоитъ тысячу рублей, простоналъ умирающій.

— Да; къ сожалѣнію, отвѣчалъ я, пьеса едва ли принесла бы вамъ болѣе тысячи рублей и потому...

Но умирающій не далъ мнѣ окончить: онъ быстро приподнялся съ дивана и вскричалъ:

— Это еще что за гнусное разсужденіе! Подари

мнѣ пожалуйста тысячу рублей и тогда разсуждай какъ знаешь.

— Да я, говорю, почему же обязанъ платить за чужой грѣхъ?

— А я за что долженъ терять?

— За то, что вы, зная наши театральные порядки, описали въ своей пьесѣ все титулованныхъ лицъ и всѣхъ ихъ представили одно другого хуже и пошлѣе.

— Да-а; такъ вотъ каково ваше утѣшеніе. По вашему небось все надо хорошихъ писать, а я, братъ, что вижу, то и пишу, а вижу я однѣ радости.

— Это у васъ болѣзнь зрѣнія.

— Можетъ быть, отвѣчалъ совсѣмъ обозлясь умирающій, но только что же мнѣ дѣлать, когда я ни въ своей, ни въ твоей душѣ ничего кромѣ мерзости не вижу, и за то суще мнѣ Господь Богъ и поможетъ теперь отъ тебя отворотиться къ стѣнѣ и заснуть съ спокойной совѣстью, а завтра уѣхать, презирая всю мою родину и твои утѣшенія.

И молитва страдальца была услышана: онъ „суще“ прекрасно выспался и на другой день я проводилъ его на станцію; но за то самымъ мною овладѣло отъ его словъ лютое безпокойство.

— Какъ, думалъ я, неужто въ самомъ дѣлѣ ни въ моей, ни въ его и ни въ чьей иной русской душѣ не видать ничего кромѣ дряни? Неужто все доброе и хорошее, что когда-либо замѣтилъ художественный глазъ другихъ писателей,—одна выдумка и вздоръ? Это не только грустно, это страшно. Если безъ трехъ праведныхъ, по народному вѣрованію, не стоитъ ни одинъ городъ, то какъ же устоять цѣлой землѣ съ одною дрянью,

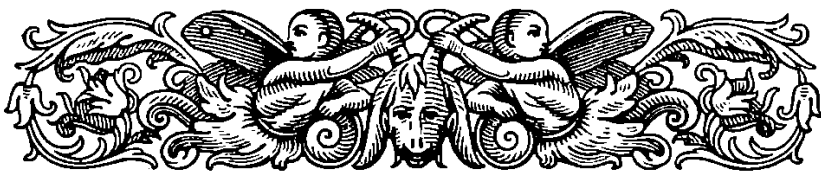
которая живетъ въ моей и въ твоей душѣ, мой читатель?

Мнѣ это было ужасно и неспосно и пошелъ я искать праведныхъ, пошелъ съ обѣтомъ не успокоиться, доколѣ не найду хотя то небольшое число трехъ праведныхъ, безъ которыхъ „нѣсть граду стоянія“, но куда я ни обращался, кого ни спрашивалъ—все отвѣчали мнѣ въ томъ родѣ, что праведныхъ людей не видывали, потому что все люди грѣшныя, а такъ, кое-какихъ хорошихъ людей и тотъ и другой знавали. Я и сталъ это записывать. Праведны они, думаю себѣ, или не праведны,—все это надо собрать и потомъ разобратъ: что тутъ возвышается надъ чертою простой нравственности и потому „свято Господу“.

И вотъ кое-что изъ моихъ записей.

ОДНОДУМЪ

I.

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ Екатерины II, у нѣкоторыхъ приказнаго рода супруговъ, по фамилинъ Рыжовыхъ, родился сынъ по имени Алексашка. Жило это семейство въ Солигаличѣ, уѣздномъ городкѣ Костромской губерніи, расположенномъ при рѣкахъ Костромѣ и Свѣтицѣ. Тамъ, по словарию кн. Гагарина, значится семь каменныхъ церквей, два духовныя и одно свѣтское училище, семь фабрикъ и заводовъ, тридцать семь лавокъ, три трактира, два питейные дома и 3,665 жителей обоего пола. Въ городѣ бывають двѣ годовыя ярмарки и еженедѣльные базары, кромѣ того значится „довольно дѣятельная торговля извѣстью и дегтемъ“. Въ то время, когда жилъ нашъ герой, здѣсь еще были соляныя варницы.

Все это надо знать, чтобы составить понятіе о томъ: какъ могъ жить и какъ дѣйствительно жилъ мелко-травчатый герой нашего разсказа Алексашка, или впоследствии Александръ Афанасьевичъ Рыжовъ, по уличному прозванію „Однодумъ“.

Родители Алексашки имѣли собственный домъ,— одинъ изъ тѣхъ домиковъ, которые въ здѣшней лѣсной мѣстности *ничего не стоятъ*, по однако даютъ кровъ. Другихъ дѣтей, кромѣ Алексашки, у приказнаго Рыжова не было, или по крайней мѣрѣ о нихъ мнѣ ничего не сказано.

Приказный умеръ вскорѣ послѣ рожденія этого сына и оставилъ жену и сына ни съ чѣмъ, кромѣ того домика, который, какъ сказано, „ничего не стоилъ“. Но вдова приказничиха сама дорого стоила: она была изъ тѣхъ русскихъ женщинъ, которал „въ бѣдѣ не сробѣетъ, спасетъ; коня на скаку остановитъ,—въ горящую избу взойдетъ“.—простая, здравая, трезвомысленная русская женщина, съ силою въ тѣлѣ, съ отвагой въ душѣ и съ нѣжною способностью любить горячо и вѣрно.

Когда она овдовѣла, въ ней еще были пріятности, пригодныя для непритливаго обихода, и къ ней кое-кто засылалъ свахъ, но она отклонила новое супружество и стала заниматься печеньемъ пироговъ. Пироги изготовлялись по скоромнымъ днямъ съ творогомъ и печенкою, а по постнымъ съ кашею и горохомъ; вдова выносила ихъ въ ночвахъ на площадь и продавала по мѣдному пятаку за штуку. Отъ прибыли своего пирожнаго производства она питала себя и сына, котораго отдала въ науку „мастерицѣ“; мастерица научила Алексашу тому, что сама знала. Дальнѣйшую же, болѣе серьезную науку преподалъ ему дьякъ съ косою и съ кожанымъ карманомъ, въ коемъ у него безъ всякой табакерки ссдержался нюхательный порошокъ для извѣстнаго употребленія.

Дьякъ, „отъучивъ“ Алексашку, взялъ горшокъ каши